

ИМАГОЛОГИЯ

УДК И 930.85

DOI: 10.17223/24099554/7/1

К.А. Соловьев

«ГОСПОДСТВУЙ И ИМЕЙ НАД ЩАСТЬЕМ ПОЛНУ ВЛАСТЬ»: СЕМАНТИКА ВЛАСТИ В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ М.В. ЛОМОНОСОВА

Семантика торжественных од М.В. Ломоносова позволяет проследить эволюцию взглядов автора на власть и ее носителей в России XVIII в. В первых одах власть представлена как ценное качество государства, необходимое, прежде всего, для, военных побед. В дальнейшем семантическое поле власти постоянно менялось под действием как «внешних» факторов, так и «внутренних». Став старше, искуснее и опытнее, автор ощутил в себе силы и осознал право обратиться от восхвалений к наставлению. В конце жизни М.В. Ломоносов пришел к пониманию необходимости напоминать власти о ее обязанностях перед народом.

Ключевые слова: Российская империя, XVIII век, М.В. Ломоносов, торжественные оды, семантика власти.

М.В. Ломоносов был одним из тех, кто, не являясь историком по профессии, в XVIII в. создавал историческую науку России. Для него, как и для других историографов эпохи (В.Н. Татищев, М.Н. Щербатов, а в начале XIX в. Н.М. Карамзин), не существовало жестких границ между литературой и историей как способами письма, при этом, естественно, они осознавали различие между художественным вымыслом и исторической правдой. Повествование о событиях прошлого как яркий, эмоционально насыщенный рассказ, обязательная нравственная оценка поступков исторических лиц, сопереживание героям и объяснение событий, лежащее скорее в плоскости психологии, чем поиска закономерностей, – все это общие черты исторических сочинений эпохи. Еще одна особенность – осознанная публицистичность на грани морализаторства, не оставлявшая места объективизму в отборе, изложении и оценке исторических фактов.

Авторы, названные выше и представляющие три остальные вершины своеобразного квадрата, определявшего историческое сознание России XVIII – начала XIX в., раскрывали свои представления об устройстве власти в публицистике. Ломоносов публицистики не писал. В его случае именно литература, точнее, поэзия была не только возможностью выразить свое отношение к монаршим особам, но и обозначить важные для него позиции в характеристике целей, задач и форм проявления власти.

Жанр *торжественной* оды, в котором Ломоносов достиг вершин отечественной словесности и безусловного признания коллег и покровителей, требовал соотнесения событий современности с великими свершениями прошлого и деяниями предков. Торжественные оды писали к определенной дате, связанной или с военными победами, или с главными государственными праздниками, к числу которых в XVIII в. относились четыре ежегодных царских дня (день восшествия на престол, день коронации, день тезоименитства и день рождения царствующей особы), а также дни рождения и кончины членов царской семьи [1. С. 7]. Будучи одами «похвальными», они создавались в первую очередь для «прославления» монарха, приобретая «статус официального культурного факта» [2. С. 96], а значит, документа, фиксирующего для общества властные интенции.

Смысл «торжественной» оды, традиции которой были заложены Пиндаром в V в. до н.э., заключался в «канонизации» исторического действия, происходившего на глазах поэта, в переводе настоящего в вечное [3]. Тем самым автор оды, самостоятельно решавший, что заслуживает вечности, а что – нет, обладал властью «легитимации смыслов» через называние события, поступка, персонажа и рассказ о нем (нарратив) [4. С. 79–92]. Эту функцию одической поэзии Е.А. Погосян назвала «политической эмоцией», в которой фиксируется, как «то или иное политическое событие должно было быть пережито подданными российского монарха» [5]. Поступки государя, воспетые в оде, воспринимаются как правильное (легитимное) властное поведение. Вставая в позу исторического рассказчика, автор оды терял субъектность. Ода «оказывалась выражением общего мнения; голос одического поэта оборачивался гласом народным» [2. С. 96]. Эта «пиндарическая» традиция торжественных од через посредство Плиния Младшего и значительно более близкого к рассматриваемой эпохе Ронсара была воспринята М.В. Ломоносовым из «петербургско-немецкой» поэзии Юнкера и Штелина, о чем подроб-

но писал Л.В. Пумпянский [6. С. 3–44] (И.З. Серман говорил еще и о влиянии Буало [7. С. 8]). Отметим, что имя Пиндара упомянуто Ломоносовым в самой первой торжественной оде «Блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» [8. С. 29].

Другая одическая традиция, идущая уже не от Пинадара, а от Горация, – традиция *политических* од. В ее рамках закрепляется идея служения государю и даже, в большей степени, государству. Она тоже важна для поэзии XVIII в., а для М.В. Ломоносова в особенности. Недаром его перевод «Памятника» Горация, опубликованный в 1748 г., – первый в России [9. С. 86–90]. Эта традиция требует воспринимать автора од «как вдохновенного пророка, учителя народа и выразителя самосознания нации» [10. С. 112]. Пророк, как известно, стоит и над царем, и над народом. Он тоже теряет свою субъектность, но по другой причине, нежели поэт, – его устами говорит Бог. А это значит, что пророк может произнести нечто, о чем ранее никто еще не задумывался, указать «путь», предсказать неведомые изменения, т.е., говоря современным языком, обозначить вектор развития общества.

Мы можем говорить о двойной семантике политического слова в торжественных одах XVIII в. С одной стороны, ода учит власть быть легитимной, призывает совершать поступки во благо народа, с другой – учит народ понимать власть и служить ей. При этом автору оды совсем не нужно что-либо критиковать в действиях власти, чтобы выразить свое к ней отношение. Ему вполне достаточно похвал. *Отбор* того, что следует хвалить; *обоснование* похвал и *сопряжение образов*, необходимых для выражения похвалы, составляют семантическое поле власти в поэтической речи.

Первый опыт сочинения М.В. Ломоносовым «торжественной» оды относится к 1739 г. В «Оде на взятие Хотина» главный мотив легитимации власти – это *оправдание военной победой*. Самая показательная в этом отношении двадцатая строфа оды выглядит так:

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,

Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы [8. С. 27].

Слово «власть» здесь означает Российское государство, воинскими победами расширяющее свое пространство. А имя «правдивой» (в этом контексте – справедливой) Анны возникает, когда надо указать того, перед кем должны «смириться» народы после взятия русскими войсками Данцига и похода вдоль Рейна 1734 г. Славные победы русского оружия составляют «счастье» жителей России, которые теперь могут жить, «военных не страшась бед», пребывая в стране мира и покоя, «народ где Анну прославляет» (строфа 25) [8. С. 29]. Мотив оправдания победами усилен отсылкой к истории русских военных успехов. Свидетелями взятия Хотина у Ломоносова становятся государи-победители прошлых лет: Петр Первый и «смиритель стран Кавказских» Иван IV [8. С. 23].

Впоследствии этот мотив будет неоднократно использован Ломоносовым в торжественных одах. В данной оде он встречается один раз, если не считать двух строк в завершающей двадцать восьмой строфе:

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и Богиня,
*Велика Анна, Ты доброт
Сияешь светом и щедрот...*
Прости, что раб твой к громкой славе
Звучит что крепость сил Твоих,
Придать дерзнул не красной стих
В подданства знак Твоей державе [8. С. 30].

Но «свет доброт и щедрот» в семантическом поле этой оды выглядит, скорее, как надежда на награды (как победителям, так и автору, победы прославляющему), чем характеристика власти императрицы Анны.

В одах 1841 г., написанных в период номинального правления Ивана VI Антоновича, мотив оправдания власти победами звучит столь же сильно. В оде на день рождения императора (12 августа) он выглядит как обещание новых побед:

Целую Ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,

Которы будут в громкой славе
Мечем страшить и гнать врага [8. С. 36]

и

Господствуй, радость, ты едина
Над Властью толь широких стран.
Но, мышлю, придет лишь година,
Познаешь как, что враг погран
Твоих удачами славных Дедов... [8. С. 37].

В оде, озаглавленной «Первые трофеи его величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийскаго, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года», этот мотив переведен из будущего в настоящее время:

Российских войск хвала растет,
Сердца продерски страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает;
Преж нежел ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на Финских раз полях [8. С. 43].

Но гораздо более важный, на наш взгляд, легитимационный мотив появляется в первой из этих од. Это *мотив исторической преемственности*, искусно вводимый Ломоносовым через обращение к событиям самого древнего прошлого. Отправной посыл звучит в двенадцатой строфе: «Монарх Наш – сильных двух колен» [8. С. 38], т.е. российского и германского. И поэт обращается к истории приглашения Рюрика как к главному прецеденту формирования власти и утверждения правящей династии в российской истории:

Разумной Гостомысл при смерти
Крепил Князей советом збор:
«Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам Варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Могли б которы править вас».
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурик, Трувор были,
С Синавом три Князья у нас [8. С. 39].

Далее Ломоносов упоминает «славных потомков» Рюрика: Игоря и Дмитрия Донского. Здесь перед нами уникальный пример *исторического норманизма* Ломоносова. Это позже, когда история России станет предметом его пристального изучения, он выступит основоположником антинорманистского направления в исторической науке. А в 1741 г. норманизм прекрасно «укладывался» в текущие политические обстоятельства. Немец по отцу, Иоанн Антонович предстает в оде *будущим Игорем*:

Что я пою воински звуки,
Которы быть хотят потом?
Пора воздеть на небо руки,
Просить о здравье то драгом,
Чего Иоанну я желаю [8. С. 40–41].

И здесь уместно вновь обратиться к семантике власти и собственно термину «власть», используемому Ломоносовым в торжественных одах. Если в первой оде 1741 г. термин «Власть» (с заглавной буквы) – синоним слова «держава» (т.е. правление), то во второй оде власть (со строчной буквы) – это страна, Россия: «Смотри, тяжка коль Шведов страсть, / Коль им страшна Российска власть» [8. С. 46]. Собственно говоря, термин «власть» в первых одах Ломоносова практически невозможно отделить от термина «держава», трактуемого и как государство, и как страна. Кроме того, термины «власть» и «держава» могут обозначать и *правление* в стране. Правда, это последнее значение выражено крайне слабо, поскольку смысл слова «власть» в одах этих лет обращен вовне страны, на ее противников. И главным легитимирующим власть мотивом остается обращение к прошлым, настоящим и будущим военным победам.

Со вступлением на престол императрицы Елизаветы Петровны М.В. Ломоносов получил преимущественное (если не использовать слово «исключительное») право на написание и представление «торжественных» од. За все 1740-е гг. известны только три оды такого типа, написанные не Ломоносовым [1. С. 203]. По сути, только ему одному было предоставлено право выражать общественное мнение (в том виде, как его понимали в середине XVIII в.). И он, не отказываясь от «воспевания» побед, находит новые мотивы «оправдания власти».

В первой же оде, представленной по случаю восшествия Елизаветы на престол, соединенного с днем рождения императрицы

(18 декабря 1841 г.), М.В. Ломоносов предлагает трехсоставную формулу обоснования прав дочери Петра I на престол:

Достойна на престол вступи,
К присяге мы готовы вси.
Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону [8. С. 57].

«Кровь» в этой формуле означает прямое и ближайшее родство с императором Петром I, чего, разумеется, не было ни у Анны Иоанновны, ни тем более у Ивана Антоновича. «Права» здесь, как представляется, – намек на то, что первым шагом к утверждению на престоле Анны Иоанновны было решение Верховного тайного совета, узурпация прав монаршей власти. Елизавета в данной логике не нуждается в подкреплении своих прав каким-либо государственным органом, она обладает ими изначально.

Вместе «кровь» и «права» составляют *начала легитимности* власти Елизаветы. «Закон» же олицетворяет *легальность* этой власти. Хотя понятно, что в своей оде Ломоносов не имел в виду российское законодательство о престолонаследии, и в частности указ Петра I от 5 февраля 1722 г. Скорее, подразумевался акт присяги, к которому, по его утверждению, «готовы вси».

Мотивы обоснования власти императрицы Елизаветы Петровны, прозвучавшие в первой оде (прежде всего, мотив «крови», «родства»), потом будут много раз повторены и усилены в одах последующих. Так, уже в феврале 1742 г., в оде «На возвращение из Голштинии 10 февраля 1742 года», описано всеобщее ликование «в сие благоприятно время»:

Когда всещедрый наш Творец
Восставил нам Петрово племя
И нашей скорьби дал конец,
Уж с радостью любовь согласно
Везде ликуют безопасно.
Всего народа весел шум [8. С. 60].

Но здесь над всеми мотивами, с помощью которых утверждается власть Елизаветы, возвышается один универсальный – мотив высшей (божественной) справедливости. Понятие «всевышней власти», получаемой не от людей, а от Бога, трактуется как некое качество, которое само по себе преобразует человека, им наделенного, и дистанцирует от обычных людей:

Наместница всевышней власти,
 Что родом, духом и лицом
 Восходит выше смертных части
 Прехвальна, совершенна всем,
 В которой всех даров изрядство,
 С величеством цветет приятство! [8. С. 65].

Еще один важный легитимационный мотив представлен Ломоносовым в оде от 10 февраля 1742 г: «правильная» власть существует *во благо России*, и оно в полном соответствии с законами «пиндаровской» оды уже *явлено* во всех сферах жизни:

Млеком и медом напоенны,
 Тучнеют влажны берега,
 И, ясным солнцем освещенны,
 Смеются злачные луга.
 С полудни веет дух смиренный
 Через плод земли благословенный.
 Утих свирепый вихрь в морях,
 Владеет тишина полями,
 Спокойство царствует в градах,
 И мир простерся над водами [8. С. 67].

Заявленное в одах Ломоносова понимание власти императрицы Елизаветы: а) как преемственной от Петра I; б) законной; в) находящейся под божественным покровительством и г) благотворной для России – частично воспроизведено и другими авторами. Благотворность власти Елизаветы – одна из центральных тем «Благодарственной» оды В.К. Третьяковского (вторая половина 1740-х гг.):

Твоя жизнь наша радость;
 Тобою всё цветет;
 Ты здрава, нам то сладость:
 Всё о тебе живет.
 Храни, мы благодушны;
 Вели, се мы послушны [11. С. 173].

Мотив преемственности власти от Петра I есть в оде А.П. Сумарокова «Всемиловитейшей Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743»:

Взгляни в концы твоей державы,
 Царица полунощных стран,

Весь Север чтит, твои уставы
До мест, что кончит океан,
До края областей безвестных,
Исполнен радостей всеместных,
Что ты Петров воздвигла прах,
Дела его возобновила
И дух его в себе вместила,
Являя свету прежний страх [12. С. 59].

Там же звучит и идея божественного покровительства власти Елизаветы ради блага России и ее народа:

О боже, восхотев прославить
Императрицу ради нас,
Вселенну рушить и восставить
Тебе в один удобно час,
Тебе судьбы суть все подвластны.
Внемли вопящих вопль согласный –
Перемени днесь естество,
Умножь сея девицы леты,
Яви во днях Елисаветы,
Колико может божество [12. С. 63].

Ответом на это обращение к Божественному провидению выглядит фрагмент из оды Ломоносова «На прибытие Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации». Здесь звучит прямая речь Господа:

«Благословенна вечно буди, –
Вещает Ветхий деньми к Ней, –
И все твои с тобою люди,
Что вверил власти Я Твоей.
Твои любезныя доброты
Влекут к себе Мои щедроты.
Я в гневе Россам был Творец,
Но ныне паки им Отец:
Души Твоей кротчайшей сила
Мой гнев на кротость преложила
...
Мой образ чтят в Тебе народы
И от Меня влиянный дух;
В бесчисленны промчится роды

Доброт Твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой согру сердца кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;
Господствуй, утверждена Мною;
Я буду навсегда с Тобою» [8. С. 84–85].

Здесь же, впервые в торжественной оде, Ломоносов пишет о том, что *должна делать* Елизавета, будучи правительницей России¹. Ключевая фраза: «Тобой поставлю суд правдивый». Остальные положения являются производными от нее. Для первой попытки рассказать императрице, что ей надо делать как властному лицу, это самое подходящее положение, поскольку оно очень точно вписывается в общехристианское (библейское) представление о том, для чего нужна власть. Правда, Библия не знает «правдивого суда». В ее текстах используется другое выражение: «праведный суд», опирающееся на фрагмент из Второзакония: «Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным» (*Втор. 16; 18*). Праведный (он же «справедливый») суд – безусловное качество христианской «правильной власти» («И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его». *Втор. 1; 16*). Соответственно, высказывая это пожелание, Ломоносов ничем не рисковал и в то же время пусть осторожно, но примеривался к роли «пророка», что и полагалось автору од не только «торжественных», но и «политических». В последующих одах он, не забывая о восхвалениях, постепенно расширял возможности высказывать пожелания власти.

В середине 1740-х гг. в «похвальных» одах Ломоносова складывается жесткая конструкция «оправдания власти». В качестве неизменных элементов в ней выступают два легитимационных мотива и две главные характеристики власти. Первый и самый крупный по объему текста (и смысла) легитимационный мотив – это характеристика власти Елизаветы как прямого продолжения правления ее отца Петра I. Власть Петра подается как абсолютное благо для России.

¹ Речь идет об оригинальном творчестве. До этого в переводе оды Ф.В. Юнкера на коронацию Елизаветы была сформулирована целая программа правления только что вступившей на престол императрицы. Но чтобы ответить на вопрос, в какой мере эта программа соотносится со взглядами самого Ломоносова, необходимо отдельное исследование.

Все черты петровского правления от внешних побед до покровительства наукам и ремеслам являют собой в одах Ломоносова непрерывную череду подвигов, создавших «славу» страны. Более того, поскольку до 1752 г. в одах Ломоносова, посвящённых Елизавете или Петру III, не упомянут никто из тех, кто правил Россией до Петра I, петровская эпоха воплощает отчетливую точку отсчета новой российской истории, а императорская власть существует сама по себе, вне связи с ней. Такое понимание очень близко к утверждаемому самим Петром I культурному разрыву с византийской властной традицией и переориентацией на традицию Рима [13. С. 48–49].

Второй легитимационный мотив – божественное покровительство Елизавете: «Когда на трон Она вступила, / Как Вышний подал Ей венец» [8. С. 198]. Прямое покровительство божественных сил или «неба», «небес» у Ломоносова служит синонимом божественной власти российской императрицы («К нам щедро небо преклонилось, / И щастье наше обновилось: / На трон взошла Петрова Дщерь» [8. С. 139]). Как справедливо отметила Е.А. Погосян, применительно к одам Ломоносова 1750-х гг., «главная функция монарха — осуществление “контакта с небесами”, и именно эта функция определяет тип отношений монархини и подданных» [5].

Два этих мотива (земной «славы» и «небесного» покровительства) взятые вместе, составляют одну мысль: божественная воля состоит в том, чтобы Россией правил прямой потомок Петра, который будет править так, как правил Петр, и проводить его политику его же методами. В характеристике власти Елизаветы Петровны первое место отводится ее «славе», т.е. военным победам или (вариант, обозначенный в оде 1842 г. и набирающий силу в одах середины 1740-х гг.) могуществу России, наслаждающейся заслуженным миром:

Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы [8. С. 93].

Все более важное место в характеристике власти Елизаветы второй половины 1740-х гг. занимает та функция государя, которая может быть обозначена как справедливый или «праведный» суд:

Священны да хранят уставы
И правду на суде судьи,

И время Твоя державы
Да ублажат рабы Твои [8. С. 216].

Вместе эти две приметы власти («слава» и «праведный суд») составляют «щастие» России и ее народов, как это явлено в оде 1746 г. «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския»:

Коль наша радость справедлива!
Нас красит сладостный покой;
О коль, Россия, ты щастлива
Елисаветиной рукой! [8. С. 143].

Или в надписи на иллюминацию 1751 г.:

Веселием сердца год новый оживляет
И ново щастие в России утверждает.
Довольство, здравие и щастие цветет,
Где светит именем своим Елисавет.
Россия веселясь блажит ея державу,
Что каждый год свою растущу видит славу [8. С. 410].

При всей неизменности этой легитимно-функциональной конструкции власти, раз за разом повторяемой Ломоносовым в похвальных одах и различного рода торжественных надписях, она могла быть дополнена еще одним элементом «щастья». Например, как в оде 1746 г., отторжением иноземцев от престола:

Взирая на дела Петровы,
На град, на флот и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала
И сердцем всякой час зывала
К Тебе, Защитнице своей:
«Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни нам Петрово Племя,
Утешь, утешь Твоих людей

Покрой Отчески законы,
Полки противных отжени
И святости Твоей Короны
Чужим коснуться возбрани;

От церкви отвори наложи:
Тебя Монарши ждут чертоги,
Порфира, Скипетр и Престол;
Всевышний пойдет пред Тобою
И крепкою Тебя рукою
От страшных всех защитит зол» [8. С. 138–139].

Но это единичный случай. Более важная, на наш взгляд, черта од Ломоносова, ставшая заметной в середине – второй половине 1840-х гг., – это указание на главную составляющую «щастья» России – развитие наук (в поэтической речи – муз). Наиболее ярко эта тенденция проявилась в самой знаменитой оде Ломоносова: «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны 1747 года»:

Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство Муз усугубляет
И к щастью отверзает дверь.
...
Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О как Тебе благодарит!
Возри на горы превысоки,
Возри в поля Свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью Твоей цветет [8. С. 202–203].

К началу 1750-х гг. мотив покровительства наукам как третья составляющая «щастья» России и важнейшая функция императорской власти прочно утверждается в торжественно-поэтической речи Ломоносова, а сама легитимационно-функциональная конструкция «оправдания власти» приобретает, казалось бы, заверченный вид. Но именно в 40-е гг. XVIII в. благодаря усердным занятиям и сотрудничеству с В.Н. Татищевым Ломоносов становится одним из крупных знатоков российской истории. Историческое мышление «вторгается» в его поэзию. Ломоносов начинает изменять, если не сказать ломать, им же созданную конструкцию, вводя в нее элементы легитимности допетровских эпох.

Первый раз эту новую, если не считать «норманистской» оды Ивану Антоновичу, конструкцию мы находим в его «Похвальном слове» императрице Елизавете 1749 г. Здесь Ломоносов вводит новый легитимационный мотив героических деяний предков государыни. Теперь ее «достоинства» не только продукт «воли небес», но и прямое продолжение достоинств ее предшественников во власти. Ключевое положение этого нового мотива выглядит следующим образом: «Изо всех достоинств Монархини наша показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, восставленная, укрепленная, возвеличенная, просвещенная Россия ныне над всеми земными царствами главу свою возносит, которых славныя дела и заслуги к отечеству неменьше надлежат к похвале Ея Величества, нежели кровь оных к Ея рождению послужила» [8. С. 240].

В 1749 г. Ломоносов был готов вести отчет «великих дел» от основателя династии Романовых Михаила Федоровича, «обновляющего рассыпанные стены, сооружающего разоренные храмы, собирающего расточенных граждан, наполняющего расхищенные государственные сокровища, исторгая корень богоотступных хищников Российского престола и Москву от жестокого поражения и глубоких ран исцеляющего» [8. С. 240]. Далее следуют дела Алексея Михайловича, «утверждающего благополучие подданных спасительными законами, полки военною наукою, церковь истреблением ереси, простирающего победоносный меч свой на Сармацию и России издревле принадлежащая великия княжества праведным оружием России возвращающего» [8. С. 240]. И затем переходит к деяниям Петра I и его супруги Екатерины. Тем самым в концепцию императорской легитимности был введен историко-героический мотив преемственности «великих деяний».

В оде 1752 г. возможности историко-героического обоснования власти государыни были расширены на всю историю России, правда, под специфическим углом зрения, который сейчас именуются «гендерным подходом» в исторических исследованиях. В оде «На торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года» Ломоносов называет тех женщин, которые «Явили мужеско геройство / Чрез славныя свои дела» [8. С. 503]. Он начинает с княгини Ольги, указывая на ее великие качества («Премудрость, храбрость и святыня»), затем называет Елену Глинскую – «великую

делами мать», затем мать Петра I – Наталью Нарышкину и, конечно, Екатерину I, «участницу великих дел» ее супруга.

В обновленной конструкции легитимности власти 1750-х гг. «великие» или «славные» дела по-прежнему находятся в центре. Именно их величие служит «оправданием» власти и легитимизирует ее носителей вместе с божественным покровительством России и правителю, ее олицетворяющему. Но точка отсчета теперь сдвинута от начала XVIII века к веку X и распространяется на всю историю России, что закреплено в оде «На рождение Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича сентября 20 1754 года»:

О Боже, крепкий Вседержитель
Пределов Росских расширитель,
Коль милостив бывал ты нам!
Чрез семь сот лет едино племя
Ты с Росским скиптром сохранил [8. С. 564].

Показательно, что Ломоносов называет семь, а не восемь сотен лет правления на Руси, т.е. ведет отсчет не от Рюрика и даже не от Игоря Старого, а именно от Ольги. Конечно, можно заметить, что в данной конструкции фразы «восемь сот» не попадают в размер, но для поэта это не может быть препятствием. Легкая переделка строки: «Лет восемь сот едино племя» – и задача решается. Значит, для Ломоносова точка отсчета принципиальна. Обратимся вновь к оде, в которой история впервые была использована поэтом в качестве легитимационного мотива. Это ода «Первые трофеи его величества Иоанна III». Иоанн Антонович на три четверти немец, для него выбирается в качестве точки отсчета «варяг» Рюрик. Позже занятие Ломоносова историей и разработка антинорманистской концепции происхождения государства на Руси приводят его к другой точке отсчета – Ольге, которую в «Родословии российских государей» Ломоносов называет псковитянкой и, «по мнению некоторых», правнучкой Гостомысла [14. С. 150]. «Немцы» Рюрик и Игорь отвергнуты. Образцом для «русской» Елизаветы должна служить «русская» Ольга.

В 1750-е гг. историко-героический легитимационный мотив становится одним из трех равноправных, наряду с наследием Петра I и божественным благословением. А в начале 1760-х гг., особенно в оде «Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, на преславное Ея восшествие на все-

российский императорский престол июня 28 дня 1762 года», он отчетливо выходит на первый план. Причем в рамках этого мотива возникает несколько новых тематических планов, и легитимность Екатерины получает дополнительное обоснование.

Во-первых, Петр III, ликвидировавший все результаты побед русских войск в Семилетней войне, не герой. А Екатерина не только выказывает героические черты характера («премудрая Героиня» [8. С. 775]), но и окружена «избраннейшими героями» [8. С. 776].

Во-вторых, преемственность власти от Петра I определяется у Ломоносова не по кровному родству («Не предадим Твоей любви, / Не пощадим последней крови» [8. С. 775]), а по родству духовному. Екатерина II – наследница великих дел Екатерины I и Елизаветы Петровны и тем «сердца влечет» [8. С. 776]. Герой на троне нужен России и, следовательно, он торжествует над не героем:

Теперь злоумышленье в яме,
За гордость свержено, лежит:
Екатерина в Божьем храме
С благоговением стоит [8. С. 777–778].

В-третьих, и это, на наш взгляд, самое важное, историко-героическая трактовка распространяется теперь не только на правителей, но и на весь народ:

Исчислите у нас Героев
От земледельца до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святаго олтаря [8. С. 779–780].

А раз так – легитимность правителя определяется героической симфонией царя и народа:

О коль Монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь [8. С. 780].

Термина «симфония», применяемого в Византии и России XVII в. для описания взаимодействия во власти царя и церкви, в оде, разумеется, нет. Но не вспомнить о нем нельзя, поскольку там есть такие строки:

...любите веру:
Она – свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякаго щита [8. С. 778].

Здесь отчетливо читается мотив единства монарха и народа, базирующийся на общей вере. Этот легитимационный мотив потом возродит Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» и обессмертит своей формулой «православие, самодержавие, народность» С.С. Уваров. Мотив «единства правителя и народа» теперь вытесняет прежде мощно звучавший у Ломоносова мотив «щастья» народа под «державой» царя. И поэтому совсем не случайны в той же оде такие строки:

Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И поданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Бог благословит ваш дом [8. С. 778].

Ю.Н. Алексеева отметила, что в этих строках Ломоносов формулирует «концепцию власти, основанной не на праве, а на заслуге, и требует от Екатерины заслуг перед Россией, способных оправдать ее шаг» [1. С. 182]. С первым положением, безусловно, нужно согласиться. Героическое начало власти ведет к накоплению суммы заслуг. А совокупность заслуг, по Ломоносову, служит прочным ее основанием. Но мог ли Ломоносов «требовать» этих заслуг? Если соглашаться, то с оговоркой, что это не характеристика отношений Ломоносова и Екатерины II (здесь слово «требовать» немыслимо), а жанрово обусловленный прием торжественной речи. И наконец, выбранный фрагмент никак не требование заслуг (скорее, можно говорить обо всем содержании оды, которое представляет набор ожиданий героической судьбы Екатерины как правительницы), а стилизация под речь псалмопевца. То есть это наставление, но данное в максимально обезличенной форме (с коннотацией: поэт – пророк), с использованием не только семантики псалмов, но и их лексики:

«судьи земные» (*Пс. 2 и 148*), «блности (соблюдать) законы» (*Пс. 104*), «не презирать» страждущих (*Пс. 21.*), беспомощных (*Пс. 101*), «правда», «милость» и «щедроты» (в Псалмах – только божественные или Им даруемые, за исключением «правды» в *Пс. 111*).

Отметим здесь мысль М. Левитта: «...оды, сознательно возводившиеся к псалмической модели, стали важнейшим жанром литературы XVIII в. суть в том, что жанр торжественной оды был питаем сильнейшим источником культурной памяти, и его основные формальные установки отсылали к фундаментальным свойствам русской традиции...» [15. С. 373]. Важно и то, что псалмопевческая семантика, архаичная по своей природе, в отмеченном выше фрагменте искусно переплетена с самой актуальной для XVIII в. тематикой просвещённой монархии: «пороки исправляйте», «ученье» «народна льгота» (те самые «польза» и «пример», о значении которых в панегирическом творчестве Ломоносова 1760-х гг. подробно писала Е.А. Погосян [5. С. 19–97]). Это должно было польстить Екатерине, стремившейся в начале своего царствования к одновременному решению двух задач: стать для России своей, что в первую очередь значит православной, и выполнить миссию «просвещённого монарха» в «вольтеровском» понимании этого термина. Самому же Ломоносову поддержка деяний Екатерины в решении этих двух задач давала возможность занять двойную позицию: с одной стороны, архаического (или классицистического) «пророка», вещающего от имени народа, с другой – мыслителя, утверждающего научную истину.

Итак, мы видим, что семантическое поле власти в одах М.В. Ломоносова постоянно менялось как под действием «внешних» для него факторов, прежде всего личности каждого нового монарха, так и факторов «внутренних». Становясь старше, искусней и опытней, он ощущал в себе силы и право перейти от восхвалений к наставлению. Профессионально занимаясь древней российской историей, он находил в ней все новые и новые примеры для подтверждения той концепции власти, которая у него сложилась в полном виде в середине – второй половине 1740-х гг. В ней три ключевых элемента: верность образу Петра-преобразователя; понимание блага России как ее силы, которую дают военные победы, но в еще большей степени – развитие наук; третий элемент – героическое поведение монарха, его личные подвиги, преобразующие Россию, и поддержка тех, кто готов такие подвиги совершать. В военное время подобный героизм очевиден и понятен, он ведет к победам. А в мирное время

это подвиг, совершаемый в науках и управлении. Венчает данную конструкцию божественное благословение, посылаемое достойному того правителю, благословение, очевидное для всех, но более всего – для автора похвальных и торжественных од.

Литература

1. *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII в. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
2. *Бухаркин П.Е.* М.В. Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.
3. *Гаспаров М.Л.* Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты / изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М., 1980. С. 361–383.
4. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетей, 1998. 160 с.
5. *Погосян Е.А.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. 158 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.3> (дата обращения: 09.10.2015).
6. *Пумпянский Л.В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 3–44.
7. *Серман И.З.* Оды Ломоносова и поэтика школьной драмы // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 4–14.
8. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. 1279 с.
9. *Мусорина Л.А.* Оды, III 30: Подражания тридцатой Оде Горация в русской литературе // Наука. Университет: материалы 1-й науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 86–90.
10. *Салова С.А.* Утро русской анакреотики: А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков. М.: Макс Пресс, 2005. 262 с.
11. *Тредиаковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. М.: Наука, 2009. 676 с.
12. *Сумароков А.П.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 608 с.
13. *Успенский Б.А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика царских титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
14. *Ломоносов М.В.* Записки по русской истории. М.: Директмедиа Паблишинг, 2005.
15. *Левитт М.* Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 368–384.

«RULE AND HAVE ALL POWER OVER HAPPINESS»: THE SEMANTICS OF STATE POWER IN LOMONOSOV'S SOLEMN ODES

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 1(7), pp. 4–25. DOI: 10.17223/24099554/7/1

Konstantin A. Solovyev, Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Solovka-05@yandex.ru

Keywords: Russian Empire, 18th century, Lomonosov, solemn ode, semantics of power.

The genre “solemn ode” demanded correlating events of modernity with great dates of the past and deeds of the ancestors. The solemn ode were written for a certain date, associated either with military victories or major public holidays. “Praisful” odes were created for the “glorification” of the monarch, and acquired the status of a document fixing the power intention in society. Solemn odes have a dual semantics. On the one hand, they teach the power to be legitimate. On the other, they teach people to understand the power and serve it.

The first experience of Lomonosov’s “solemn” ode dates back to 1739. The word “power” in his first odes refers to the Russian state and its military victories.

A new motif appears in Lomonosov’s historical odes of the 1740s, that of the historical succession of power: from the ancient princes to Peter I, and from him to the contemporary monarchs.

With the accession to the throne of Empress Elizabeth, Lomonosov received a preferential right to write and present “solemn” odes. In these odes the legitimation of power is realised through an appeal to “tradition”, “right” and “universal (divine) justice”. In addition, an important part of “justification of power” is a statement that the power of Elizabeth is “beneficial” for the country. Odes by Sumarokov and Trediakovsky express similar views. But their odes are secondary to Lomonosov’s.

At the end of the 1740s Lomonosov odes introduce an important legitimating motive: “happiness” of the country ruled by the Empress. “Happiness” refers not only to well-being, but also to development. An important part of this “happiness” is the monarch’s patronage over science and education.

The semantic field of power in Lomonosov’s odes constantly changes under the influence of external and internal factors. Becoming older and more experienced he felt the strength (and inner right) to go from praise to instruction.

Lomonosov finds examples in history to prove the concept of power he has developed in the middle – the second half of the 1740s viable. This concept has three key elements: the continuation of the policy of Peter I; a good understanding of Russia as its strength resulting from its military victories and the development of science; the heroic behaviour of the monarch, his/her personal exploits. In wartime such heroism leads to victory, in times of peace to a feat in sciences and management. The concept is crowned with God’s blessing of a worthy ruler. This blessing is obvious to all, but in the first place to the author of the praiseful and solemn odes.

References

1. Alekseeva, N.Yu. (2005) *Russkaya oda. Razvitiye odicheskoy formy v XVII – XVIII vekakh* [Russian ode. Development of the ode form in the 17th– 18th centuries]. St. Petersburg: Nauka.
2. Bukharkin, P.E. (2011) *M.V. Lomonosov v istorii russkogo slova* [M.V. Lomonosov in the history of the Russian word]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Gasparov, M.L. (1980) *Poeziya Pindara* [Poetry of Pindar]. In: Gasparov, M.L. (ed.) *Pindar. Vakkhiliid. Ody. Fragmenty* [Pindar, Bacchylides. Odes. Fragments]. Moscow: Nauka.
4. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The state of postmodernity]. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Pogosyan, E.A. (1997) *Vostorg russkoy ody i resheniye temy poeta v russkom paneirike 1730–1762 gg.* [Delight of the Russian ode and solution of the theme of the poet in

the Russian panegyric of 1730–1762]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.3>. (Accessed: 09th October 2015).

6. Pumpyanskiy, L.V. (1983) Lomonosov i nemetskaya shkola razuma [Lomonosov and the German school of reason]. In: Kochetkova, N.D. *XVIII vek* [18th century]. Vol. 14. Leningrad: Nauka. pp. 3–44.

7. Serman, I.Z. (2006) Ody Lomonosova i poetika shkol'noy dramy [Odes by Lomonosov and the poetics of the school drama]. In: Kochetkova, N.D. *XVIII vek* [18th century]. Vol. 24. Leningrad: Nauka. pp. 4–14.

8. Lomonosov, M.V. (1959) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.

9. Musorina, L.A. (2000) [Odes, III 30: Imitations of the thirtieth Ode of Horace in Russian literature]. *Nauka. Universitet* [Science. University]. Proceedings of the First Conference. Novosibirsk: Novyy sibirskiy universitet. pp. 86–90. (In Russian).

10. Salova, S.A. (2005) *Utro russkoy anakreotiki: A.D. Kantemir, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov* [The Dawn of the Russian Anacreotics: A.D. Cantemir, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov]. Moscow: Maks Press.

11. Trediakovskiy, V.K. (2009) *Sochineniya i perevody kak stikhami, tak i prozoyu* [Works and translations both in verse and in prose]. Moscow: Nauka.

12. Sumarokov, A.P. (1957) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

13. Uspenskiy, B.A. (2000) *Tsar' i imperator. Pomazanie na tsarstvo i semantika tsarskikh titulov* [The Tsar and the Emperor. The unction on the tsardom and the semantics of the tsar's titles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

14. Lomonosov, M.V. (2005) *Zapiski po russkoy istorii* [Notes on Russian history]. Moscow: Direktmedia Publishing.

15. Levitte, M. (2004) Oda kak otkrovenie: pravoslavnyy bogoslovskiy kontekst odicheskoy poezii Lomonosova [Ode as a revelation: Orthodox theological context of the Odomatic poetry of Lomonosov]. In: *Slavyanskiy al'manakh. 2003* [Slavic Almanac. 2003]. Moscow: Indrik. pp. 368–384.